

Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР

© Вдовин А. И.

© Vdovin A.

Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР

The Great Patriotic War and the new national policy in the USSR

Аннотация. Автор исходит из допущения, что в годы Великой Отечественной войны в СССР осуществлялась новая национальная политика — своеобразный националистический нэп. В статье сделана попытка определить сущность новой политики, выявить ее предпосылки, хронологические рамки, проявления на этапах осуществления, отказ от дальнейшего проведения в связи с возвращением к классовой национальной политике. Начало перехода к новой политике связывается с признанием властью необходимости сочетания пролетарского интернационализма со «здоровым национализмом» (февраль 1941 года), определением характера начавшейся войны как отечественной (национальной), а не классовой, воскрешением на протяжении войны воинских традиций народа, опорой на патриотизм как главный фактор победы в войне. Переход к новой политике, по мнению автора, завершился в декабре 1941 года, его углубление прослеживается до начала 1944 года. На завершающем этапе войны наблюдается свертывание новой политики, а ее конец связывается с требованием не допускать игнорирования классового содержания советского патриотизма (декабрь 1948 года).

Annotation. The author tries to argue the fact, that the national policy of Soviet State was radically changed during the Second World War and based on the idea of the “healthy nationalism”. He proposes the term “New National Policy” (NNP) to determinate this policy and indicates some parallels between the NNP and the “New Economic Policy” (NEP) of the 1920th. He thinks that NNP took place between the December of 1941 and the December of 1948. The article is devoted to analyze the essence, the causes, the chronological limits and the periodization, the main characteristics and the causes of NNP revision. He concludes that the rejection of “healthy nationalism” elements in Soviet national policy after the WWII was one of the main causes of the USSR disintegration.

Ключевые слова. Национальная политика в СССР, патриотизм, традиции, здоровый национализм, шовинизм, отклонения в национальном вопросе, Коминтерн, отношения с союзниками по антигитлеровской борьбе, церковь.

Key words. National policy in the USSR, patriotism, traditions, “healthy nationalism”, chauvinism, deviations in national politics, Communist International, USSR relations with its allies during the WWII, Orthodox Church in the USSR.

Изучение истории национальной политики в СССР в годы Великой Отечественной войны наталкивает на мысль о проведении параллелей между этой политикой и нэпом 1921—1928 годов, а также неонэпом 1934—1936 годов [39; 66; 50 и др.]. Тогда новая политика понадобилась для восстановления народного хозяйства и создания необходимых условий перехода к социализму. В годы гитлеровского нашествия новая национальная политика СССР понадобилась для мобилизации советского народа на победу в войне.

ВДОВИН Александр Иванович — профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Под новой национальной политикой («националистическим нэпом») мы понимаем политику, обеспечивающую единство всех слоев народа для отражения непосредственной угрозы его существованию. Если новая экономическая политика 1920-х годов была отступлением от классовой политики (военного коммунизма) к политике, отвечающей интересам крестьянства и других слоев общества, то новая национальная политика военного периода была отступлением от классовой политики к политике, отвечающей интересам всех слоев политической нации (общности советских народов) во имя сохранения жизни каждого народа и их совокупности в едином государстве — Советском Союзе.

Историография дает основание для постановки проблемы о новой национальной политике в СССР. Например, А. Верт, автор одной из самых проникновенных книг о Великой Отечественной войне, писал, что воззвание Сталина к национальной гордости русских, слова о немцах, «лишенных совести и чести», и о «великой русской нации» в докладе 6 ноября 1941 года, а также призыв вдохновляться мужественным образом «наших великих предков», прозвучавший на параде войск 7 ноября, означали не что иное, как проявление сталинского национализма, который «уже много лет до этого... восторжествовал над интернационализмом Троцкого» [5. С. 246]. Некоторое время спустя, по словам того же Верта, «один весьма ортодоксальный коммунист» говорил: «Провозгласить националистический НЭП было в то время совершенно необходимо». Октябрь и ноябрь 1941 года были «самыми мрачными месяцами за все время советско-германской войны. С ними может сравниться только октябрь 1942 года, когда висела на волоске судьба Сталинграда» [5. С. 247].

В. И. Криворотов — участник Гражданской войны в России на стороне белых, затем эмигрант, выпускник югославского университета, участник Второй мировой войны на стороне противников Германии, а после нее бразильский публицист и писатель — утверждал, что массовая сдача советских солдат в немецкий плен в начале войны показывала, что у них «нет никакого желания защищать Политбюро» [21. С. 160]. Сам Сталин в беседе с У. Гарриманом, возглавлявшим делегацию США на московском совещании в конце сентября 1941 года, признавал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за Советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию» [38. С. 204]. Поэтому, по Криворотову, советским властям «пришлось спешно применять нечто похожее на НЭП, вроде НПП — Новой Психологической Политики. Пришлось показать народу не то оплеванное политграмотой русское прошлое, а то блестящее из него, что было тщательно скрываемо» [21. С. 160].

Выбор в пользу неонэпа или новой психологической политики был исключительно своевременным. Этот идеологический поворот, совершенный в начале войны, во многом обусловил ее коренной перелом и в конечном итоге саму Победу. Как позднее написал видный русский писатель, мыслитель и общественный деятель И. Л. Солоневич, «разгром

Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде» [57. С. 200].

Признание того, что националистический нэп является историческим фактом, вызывает вопросы о предпосылках этого явления, о проявлениях неонэпа, его хронологических рамках и этапах. Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Предпосылки новой национальной политики стали складываться уже вскоре после Октябрьской революции. Как известно, большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию» [29. С. 1]. После прихода к власти В. И. Ленин неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции». И когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах» [28. С. 108]. До конца своих дней он выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции. В его последней статье «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 года, утверждалось: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» [27. С. 403]. Однако уже к этому времени выяснялось, что мировая революция «запаздывает».

Ее дальнейшее «запаздывание» вынуждало прагматически мыслящих лидеров революционной республики все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране после смерти Ленина высказывалась Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, а затем Генеральным секретарем ЦК РКП(б) И. В. Сталиным.

«Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран», — писал Сталин 17 декабря 1924 года. По смыслу этого закона он заключил: «Победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна» [62. С. 369, 370].

Идея была поддержана большинством членов ЦК на XIV партконференции в апреле 1925 года. На конференции подчеркивалось, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея еще несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь ее, построить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и орудие мирового революционного движения» [61. С. 152].

В феврале 1931 года была выставлена новая веха на пути к новой национальной политике. Выступая на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость» [60. С. 39]. Новое определение «социалистического отечества» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания до реальных границ СССР. Это позволяло «реабилитировать» патриотизм в его привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей.

После прихода Гитлера к власти в Германии на острие политики СССР стали выдвигаться новые трактовки отечественной истории и патриотизма в его советском варианте. В 1934 году анализ ситуации в Германии членами Политбюро с участием Г. М. Димитрова, вызволенного из нацистской тюрьмы, привел к заключению о том, что главная причина неудач коммунистов крылась в неправильном подходе к широким слоям рабочего класса, в пропаганде, замешенной на национальном нигилизме, в игнорировании своеобразия национальной психологии. Димитров, избранный генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, начал перестраивать его работу с учетом выявленных ошибок [24. С. 93].

Восстановив в правах Родину и Отечество (раньше эти понятия связывались с дореволюционной Россией, защитниками и патриотами которой могли быть только контрреволюционеры и белогвардейцы), большевики в июне 1934 года признали также и ранее «совершенно неприличный в устах социал-демократа “патриотизм”» [25. С. 190], однако теперь уже в качестве высшего закона советской жизни, высшей общественной ценности и высшей доблести человека [2; 12; 44]. Советское руководство остановилось перед признанием национализма в его здоровом выражении точно такой же доблестью, как и патриотизм. Между патриотизмом и национализмом есть прямая связь. Если патриотизм — любовь к Родине, то национализм в его здоровом выражении есть любовь к нации, бережное отношение к национальным традициям.

К весне 1941 года, незадолго до начала войны, Сталин и его ближайшие сподвижники обнаружили явную готовность к осуществлению новой национальной политики. 27 февраля секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А. А. Жданов на встрече с Г. М. Димитровым, А. А. Андреевым и Г. М. Маленковым сделал поразительное признание: «Мы сбились (то есть допустили ошибку. — А. В.) на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Между тем требовалось «сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших “националистов”» [31. С. 97]. И уже на следующий день в Исполкоме Коминтерна состоялось практическое обсуждение вопроса об одногодичной школе по подготовке таких «националистов». Определялся состав слушателей и преподавателей. Программа школы составлялась «с учетом большого внимания к национальным проблемам

(проблемам собственно стран)», — записано в дневнике Г. М. Димитрова [31. С. 97].

12 мая 1941 года руководители Коминтерна — Г. М. Димитров (генеральный секретарь ИККИ) и Д. З. Мануильский (секретарь ИККИ) — обсуждали вопрос о возможном прекращении деятельности Коминтерна, обдумывали мотивировку такого решения. В тот же день судьба Коминтерна стала темой беседы Г. М. Димитрова и А. А. Жданова. Итоги разговора отражены Димитровым в его дневнике: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм (т. Сталин разъяснял, что между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага). Идеи Коминтерна глубоко проникли в ряды передовых слоев рабочего класса капиталистических стран. На данном этапе необходимо, чтобы коммунистические партии развивались как самостоятельные национальные партии. На основе расцвета национального коммунистического движения в отдельных странах возродится на следующем этапе на более крепкой и широкой базе международная коммунистическая организация. Нужно показать ясно, что прекращение деятельности ИККИ не означает отказ от международной пролетарской солидарности» [31. С. 100]. Предполагалось, что «от этого шага коммунистическое движение может получить большие выгоды: а) сразу потеряют всю почву все антикоминтерновские пакты; б) важный козырь буржуазии, что коммунисты являются подчиненными иностранному центру, а значит “предатели”, будет отнят; в) Компартия в каждой стране усилит свою самостоятельность и превратится в подлинно народную партию своей страны; г) облегчается вступление в компартию и тех рабочих-активистов, которые теперь не входят, считая, что тем самым они отчуждаются от своего народа» [31. С. 101].

Таким образом, к июню 1941 года выбор в пользу новой национальной политики в руководстве ВКП(б) и Коминтерна фактически был уже сделан. Дело оставалось за разъяснением и пропагандой в широких слоях населения. В армии такая работа, по существу, уже началась. В мае 1940 года, по окончании советско-финской войны, под руководством вновь назначенного наркома обороны С. К. Тимошенко прошло совещание по военной идеологии. Пафос основного доклада, с которым выступил начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис, заключался в некотором отрезвлении от шапкозакидательских настроений и призывах покончить с культом опыта Гражданской войны. Одновременно прозвучал призыв к внесению изменений в работу по воспитанию Красной армии. Осуждалось забвение русской военной истории: «Не популяризируются лучшие традиции русской армии, и все, относящееся к ней, огульно охаивается... В оценке действий царской армии процветает шаблон упрощенчества. Всех русских генералов до недавнего времени

скопом зачисляли в тупицы и казнокрады. Забыты русские полководцы — Суворов, Кутузов, Багратион и другие, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу» [52. С. 136]. 23 мая 1940 года Л. З. Мехлис направил А. А. Жданову доклад о работе Политуправления Красной армии. В докладе снова осуждалось «неправильное освещение интернациональных задач» и выдвигалось предложение о том, что «нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа» [34. С. 199].

Важнейший выбор в пользу новой политики был сделан в связи с определением характера начинавшейся войны. Утром 22 июня 1941 года на совещании советских руководителей с участием Димитрова прозвучало: «Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы» [64. С. 34]. В шифровках компартия, секциям Коминтерна, отправленных в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции» [15. С. 192, 194].

В. М. Молотов в полдень 22 июня в своем обращении к советскому народу говорил о начавшейся войне: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с... Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну» [35]. Эта же мысль прозвучала и в июльской речи Сталина. В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это — «великая война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «согласится с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы» [59. С. 15].

Свое основное выражение всенародный характер войны получил в мобилизации на фронт и тыловые работы в народном хозяйстве военнообязанных всех национальностей СССР. Накануне войны в составе населения СССР русские насчитывали 51,8 процента, украинцы — 17,6, белорусы — 3,6, другие национальности — 27 процентов [37. С. 13, 15]. Среди мобилизованных за все годы войны русских было 65,4 процента, украинцев — 17,7, белорусов — 3,2, других — 13,7 процента. Среди отдавших свои жизни за Победу русские составляли 66,4 процента, украинцы — 15,9, белорусы — 2,9, другие национальности — 14,8 процента [51. С. 228]. Особенности национального состава победителей (преобладание славянского ядра) учитывались в воспитательной и агитационно-пропагандистской работе в армии и тылу на протяжении всей войны.

Во всей воспитательной и агитационно-пропагандистской работе сознательно и многократно усиливалась роль традиций — способа сохранения и передачи из поколения в поколение ценностей, основополагающей системы взглядов, философии, которая задает место человека в мироздании, определяет его отношения с вечностью, его обязательства по отношению к ближним, к другим людям [49]. В условиях войны на первое место выдвигались традиции русской армии. Их воскрешение прослеживается с первых дней войны.

В соответствии с традицией уже 23 июня 1941 года был создан чрезвычайный орган высшего управления войсками — Ставка Главного Командования, преобразованная вскоре в Ставку Верховного Командования (10 июля), а затем в Ставку Верховного Главного Командования (8 августа). Образована по аналогии с существовавшей во время Первой мировой войны Ставкой Верховного главнокомандующего вооруженными силами России.

Воскрешению вдохновляющих традиций старой русской армии была призвана послужить спешно подготовленная и опубликованная в июле 1941 года книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» с разделами «Киевская Русь в борьбе с кочевниками», «Александр Невский и Ледовое побоище», «Грюнвальдская битва», «Полтавский бой», «Семилетняя война», «Походы Суворова», «Отечественная война», «Крымская война 1854—1855 и оборона Севастополя», «Первая мировая война», «Гражданская война», «Война с белофиннами», «Великая Отечественная война советского народа против фашизма» [7]. Книга вышла в ряду многочисленных публикаций о героическом прошлом русского народа, о подвигах защитников Отечества в отражении попыток его порабощения в прошлом, о подвигах, которые представлялись примером для современников, спасавших страну от новой напасти. Этим же целям служило возрождение 18 сентября 1941 года, после героического Смоленского сражения, гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска.

Особую роль в переходе к националистическому нэпу в условиях войны сыграли выступления И. В. Сталина в ноябре 1941 года по случаю годовщины Октябрьской революции. В докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября было положено начало целенаправленному культивированию ненавистного отношения, гнева и ярости к поработителям. О немцах и их лидерах говорилось в уничижительно-оскорбительном тоне, как о людях, «лишенных совести и чести, людях с моралью животных», которые «имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!.. Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат. Отныне наша задача... будет состоять в том, чтобы истребить

всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов» [59. С. 31].

7 ноября на параде Красной армии в обращении ко всем красноармейцам и партизанам говорилось: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [59. С. 37].

Вскоре руководство СССР пошло еще дальше. В начале контрнаступления советских войск под Москвой, 10 декабря, начальник Главного политического управления РККА направил в войска директиву: «Все военные газеты... печатают рядом с названием газеты лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. В условиях войны с немецко-гитлеровскими империалистами, когда стоит задача истребить всех немецких оккупантов, этот лозунг может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Приказываю: 1. Со всех без исключения военных газет снять... лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” и заменить его лозунгом “Смерть немецким оккупантам!”... 2. Ни одно печатное издание (книги, брошюры, журналы, листовки и т. п.), выпускаемое политорганами и штабами для наших войск, не должно впредь иметь лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”... 3. Лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” разрешаю ставить на литературе, издаваемой для войск противника... 4. На листовках, брошюрах и газетах, выпускаемых для населения оккупированных немцами районов, ставить лозунг: “Смерть немецким оккупантам” [10]. 20 декабря 1941 года призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заменен лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» на знаменах воинских частей [4. С. 96].

С этого дня спасение страны и социализма окончательно связывалось с превращением войны в отечественную, национальную, а не классовую. Этот поворот и означал, на наш взгляд, завершение перехода к новой национальной политике в СССР, начавшегося в феврале 1941 года с призывов включить в арсенал агитации и пропаганды обращения к чувству здорового национализма в политике Коминтерна. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка.

Коммунистическое руководство страны не могло официально признать введение своеобразного националистического нэпа, поскольку это означало бы явный разрыв с марксистским учением. В. И. Ленин утверждал в свое время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый”, “чистенький”, тонкий и цивилизованный» [26. С. 131]. Останавливало и опасение перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном

вопросе на шовинистическую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр идеологии и политики. Именно поэтому, как представляется, вводя националистический нэп фактически, пришлось делать вид, что он не противоречит интернационализму.

Принципы интернационализма, трактуемые как равноправие, сотрудничество, взаимопомощь в отношениях между народами, никогда не исключались из арсенала советской политики. Без них были бы невозможны образование союза народов и укрепление антигитлеровской коалиции.

Несмотря на нововведение, принципы интернационализма, трактуемые как равноправие, сотрудничество, взаимопомощь в отношениях между народами, никогда не исключались из арсенала советской политики. Без них были бы невозможны образование союза народов и укрепление антигитлеровской коалиции. В 1942 году во время успешного развития операции по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой казалось, что инициатива сохранится в руках Красной армии до победного окончания войны [59. С. 42]. В приказе наркома обороны от 1 мая 1942 года Сталин считал возможным «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли» [59. С. 50]. При этом в духе интернационализма подчеркивалось, что цель Красной армии состоит вовсе не в том, чтобы истребить немецкий народ и уничтожить германское государство, как об этом «иногда болтают в иностранной печати» [59. С. 43]. Сталин рассчитывал, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера уже в 1942 году, и это не должно отразиться на отношении ко всему немецкому народу и немецкому государству. «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». У Красной армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу... Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза» [59. С. 43].

Однако после поражений весной—летом 1942 года и вплоть до весны 1944 года, когда победный исход войны обозначился со всей очевидностью, советской стороне пришлось постоянно изыскивать ресурсы для укрепления духа Советской армии на путях углубления новой национальной политики. В литературе и пропаганде безраздельно господ-

ствовали два чувства — любовь к России и ненависть к врагу, вылившаяся в клич «Убей немца!». Потрясающим по глубине выражения этих чувств стал рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», опубликованный 23 июня 1942 года в ряде газет. В июле в «Правде» напечатана пьеса К. Симонова «Русские люди» — высокохудожественное воплощение темы «все русские едины». Своего максимума чувство патриотизма в сочетании с темой ненависти достигло в стихотворении Симонова «Убей его!», опубликованном в июле 1942 года: «Если ты не хочешь отдать / Немцу с черным его ружьем, / Дом, где жил ты, жену и мать, / Все, что Родиной мы зовем... / Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» [19]. Феноменальную способность перелагать жгучую ненависть русских и всех советских людей к немцам на язык едкой, вдохновляющей прозы проявил И. Эренбург. Его статья «Убей!» утверждала: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятие». «Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов» [20]. В дни, когда немцы рвались к Сталинграду, Эренбург обращался к его защитникам: «Можно все стерпеть — чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское... Не жить нам, пока живы эти серозеленые гады. Нет... ничего кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать. Тогда уснем. ...Нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучат еще миллионы людей» [18]. Днем раньше, 12 августа, в этой газете было опубликовано стихотворение А. Суркова «Ненавижу!», заканчивающееся словами: «Осквернен мой дом пруссаками, / Мутит разум их пьяный смех, / Я бы этими вот руками / Задушил их проклятых всех» [б. С. 45—51].

Когда началась битва за Сталинград, Президиум ВС СССР 29 июля 1942 года издал указ об учреждении трех орденов для награждения командного состава Красной армии: Суворова, Кутузова, Александра Невского. С их учреждением возникал целый ряд наград, семантически связанных со старым строем, совсем недавно трактовавшимся как антинародный и самодержавный. А после побед в Сталинграде и на Курской дуге были добавлены еще четыре ордена, развивавшие возникшую тенденцию: 10 октября 1943 года — Богдана Хмельницкого, 3 марта 1944 года — Ушакова и Нахимова, и только для рядового, сержантского и старшинского состава — Славы трех степеней, повторявший существовавший до революции знак отличия ордена св. Георгия — Георгиевский крест для нижних чинов. С этого времени вошло в обычай носить наряду с советскими наградами Георгиевские кресты, полученные в Первую мировую войну.

Данью историческим традициям стало возвращение армии офицерских званий и традиционной формы русской военной одежды с погонями (январь 1943 года) — золотыми и серебряными, широкими и узкими в зависимости от рода войск, принадлежности к той или иной службе вооруженных сил. С прежними, дореволюционными просветами и звездочками вместо привычных петлиц с «треугольниками», «кубиками», «шпалами» [53].

По некоторым данным, 10 января 1943 года члены Политбюро согласились с И. В. Сталиным в том, что «общая политическая и военная обстановка требует еще более резкого курса на патриотизм и русский национализм». Представлялось своевременным изменение названия «командир» на «офицер», привлечение духовенства всех исповеданий, особенно православного, на службу в армии и даже переименование Красной армии в Русскую армию, введение трехцветного государственного флага [67. С. 36, 240, примеч. 395; 16. С. 122]. Предложения не имели последствий в виде реального постановления. Но они вполне укладывались в углубляющееся русло возрождаемых исторических традиций в воюющей стране.

В мае 1943 года, когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на роспуск Коминтерна — известного всему миру «штаба мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась в апреле 1941 года. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером, способная устранить основу антикоминтерновских пактов. В условиях весны 1943 года важно было как можно скорее развеять распространенные на Западе подозрения о коминтерновских планах «большевизации» Европы и добиться укрепления союзнических отношений с капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу.

Между тем эти отношения в мае 1943 года совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М. М. Литвинов и И. М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании [1. С. 246]. О роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, от результатов которой зависело, когда будет открыт второй фронт. Объявление, положительно воспринятое в странах Запада и особенно в США, привело к укреплению их отношений с Советским Союзом. «Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, — говорил Сталин, — так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма» [59. С. 91].

С лета 1943 года усиливалась пропагандистская работа на фронте на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа (направлена в войска по указанию ЦК ВКП(б) Главным политическим управлением Советской армии 25 мая 1943 года) [14. С. 48]. В помощь пропагандистам была подготовлена и издана массовым тиражом книга «Героическое прошлое русского народа», тематически повторявшая июльскую книгу 1941 года. В книге имелись разделы: «Александр Невский и его победы над шведами и немцами»; «Дмитрий Донской и разгром хана Мамаю в 1380 г.»; «Минин и Пожарский»; «Разгром немецкой армии русскими войсками в Семилетней войне (1756—1763) и взятие Берлина»; «Великий русский полководец Александр Суворов»; «Отечественная война 1812 г. и Михаил Илларионович Кутузов»; «Героическая оборона Севастополя (1854—1855)»; «Бру-

силовский прорыв 1916 г.»; «Борьба советских народов с немецкими оккупантами в 1918 г.» [8].

Данью историческим традициям стало учреждение в августе 1943 года Суворовских и Нахимовских училищ по типу старых кадетских корпусов для подготовки с детства профессиональных военных. В училища в первую очередь принимались дети погибших на войне офицеров [30].

С сентября 1943 года вводилось, по дореволюционной традиции, раздельное обучение мальчиков и девочек в средней школе (существовало до июля 1954 года) [48]. Тогда же, по мнению Ж. А. Медведева, была осуществлена «наиболее важная националистическая реформа — полная легализация Русской Православной Церкви» [33. С. 484].

Ряд шагов к прекращению гонений и признанию важной роли церкви был сделан с началом войны [65]. В 1942 году церкви была отдана типография Союза воинствующих безбожников, где напечатана объемная книга под названием «Правда о религии в России». В ней отмечались полная свобода религии в СССР, традиционный патриотизм Русской православной церкви, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью [46]. В конце марта в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов Русской православной церкви. На нем были осуждены иерархи, вставшие на путь сотрудничества с германскими оккупационными властями. Осуждение «изменников веры и Отечества» не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жителей от репрессий гитлеровцев. Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами.

Демонстрируя меняющееся отношение к церкви, московские власти в апреле 1942 года впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 года один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (Б. Д. Ярушевич), был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 5 января 1943 года митрополит Сергей послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие церковью банковского счета, на который вносились бы деньги, жертвуемые на оборону. В ответной телеграмме Сталин дал свое согласие и поблагодарил церковь за ее труды. Открытие банковского счета означало признание церкви де-факто юридическим лицом. Главные перемены в отношениях между государством и церковью произошли после встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. Во встрече участвовали также В. М. Молотов и начальник отдела НКВД Г. Г. Карпов, намеченный на пост будущего председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркомом СССР [72. С. 195—216].

Встреча состоялась 4 сентября 1943 года. На ней был очерчен круг вопросов, требующих решения для нормализации государственно-церковных отношений в СССР [43. С. 146—153]. Сразу же после встречи Пат-

риархии был передан особняк, занимаемый ранее германским послом. 8 сентября был созван Архиерейский собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Тихона (В. И. Беллавин). 12 сентября Собор в составе 19 иерархов (16 из них до этого испытали репрессии, прошли лагеря и ссылки) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем было объявлено об образовании совещательного органа при патриархе — Священного Синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 года образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. В ноябре 1944 года правительство приняло решение об открытии Православного богословского института и богословско-пастырских курсов. Позднее они были преобразованы в две духовные академии и восемь семинарий. Церковь получила возможность легальной подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвращались монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за три года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9400 церквей, более 40 процентов от их дореволюционного количества [70]. Гитлеровцы, в принципе враждебно относившиеся к любой форме христианства, религиозную свободу допускали временно. Впоследствии, как писал гитлеровский идеолог А. Розенберг, христианский крест должен был быть заменен свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания Советской властью роли и авторитета церкви стало проведение Поместного собора РПЦ (31 января – 2 февраля 1945 года), созванного в связи со смертью патриарха Сергия. Собор принял «Положение об управлении Русской православной церковью» и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С. В. Симанский).

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные объединения, развернувшие активную патриотическую деятельность в годы военного лихолетья. Так, Союз мусульман, созданный в Уфе в июне 1942 года, призвал всех мусульман страны к борьбе против фашистов и осудил сотрудничество части мусульман с гитлеровцами. Евангельские христиане-баптисты собрали

средства на транспортный самолет, а Армяно-григорианская церковь – на танковую колонну «Давид Сасунский» [42].

К концу войны в СССР действовали 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как накануне войны насчитывалось только около 380 церквей и ни одного монастыря. В 1945 году в РПЦ возвратилась Киево-Печерская лавра, из запасников музеев были переданы в действующие храмы чудотворные мощи, изъятые в 1920–1930-е годы. Годы войны стали периодом религиозного возрождения в СССР [71. С. 498]. Глава советской миссии в Югославии без тени сомнения утверждал: «Мы бы спасали Россию даже посредством православия, если бы это стало неизбежно!» [9. С. 56].

1 января 1944 года по радио прозвучал новый Государственный гимн СССР. Работа над созданием нового гимна велась с весны 1942 года (устное поручение Сталина А. С. Щербакову), официально (создание комиссии во главе с К. Е. Ворошиловым) — с июня 1943-го. Решение о замене гимна было принято 25 сентября. Окончательный выбор музыки — 14 декабря. Отбор текста по конкурсу и музыки для нового гимна проводился очень тщательно [69]. С 15 марта 1944 года официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных великой Русью. В его основу положена величественная музыка А. В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране. «Интернационал» оставался гимном партии.

Уже в первых откликах на новый гимн военнослужащих различных званий и должностей, зафиксированных службой вездесущего начальника «СМЕРШа» В. С. Абакумова, были метко отмечены и особенности, и значимость этого выдающегося произведения. «За границей это будут расценивать как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали — ничего не случилось, даже лучше стали воевать; генеральские и офицерские звания ввели, погоны всем надели, дисциплину укрепили. Святейший Синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили “Интернационал” — и все это на пользу родине. Как может быть “Интернационал” с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню» (Яковлев — генерал-полковник, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии). «Наконец-то вспомнили про великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой. Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся» (Мотаев — инженер-полковник, начальник отдела Главного управления Инженерно-авиационной службы ВВС Красной армии) [58].

Сугубо прагматическими соображениями было вызвано и широко разрекламированное решение январского (1944) пленума ЦК партии

о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений [17. С. 490]. Решение, помимо всего прочего, расценивалось как «новый важный шаг в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве» [36. С. 2]. Оно было связано с предложениями добиваться включения в состав создававшейся ООН 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) большую «суверенность» союзным республикам. В расчете на это приняты указы ВС СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Конституция СССР была дополнена статьей 18-а: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» [54. С. 29]. Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

Впервые о необходимости включения в число членов ООН всех союзных республик СССР было официально заявлено в августе 1944 года на заседании глав делегаций на переговорах представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе [11. С. 217]. Встретившись с неприятием этой инициативы, руководители СССР позднее, на Крымской (Ялтинской) конференции (февраль 1945 года), говорили, что было бы справедливо, если «три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». При этом речь велась об Украине, Белоруссии и Литве, которые «понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы» [22].

В конечном итоге усилия советской стороны увенчались соглашением о включении в ООН, помимо СССР, еще двух советских республик. Несомненное достижение советской дипломатии на международной арене с внутривполитической точки зрения выглядело явной дискриминацией остальных «равноправных» субъектов федерации. Особенно Советской России, изначально лишенной возможности какого-либо самостоятельного участия в деятельности международных организаций. Объяснение этому видится одно: советским руководством РСФСР рассматривалась как государствообразующая республика, и в силу этого факта отпадала необходимость ее отдельного представительства в международных организациях.

Отступление от социалистической идеологии в духе националистического нэпа дает о себе знать с начала завершающего этапа Великой Отечественной войны. В марте 1944 года, при подведении итогов обсуждения трехтомной «Истории философии», в редакционной статье журнала «Партийное строительство» утверждалось: «Партийные организации должны быть насторожены против малейших попыток протащить взгляды, отдающие великодержавным шовинизмом или местным национализмом». При этом предлагалось «постоянно разъяснять те принципы, на которых основан наш строй» [41. С. 4–8]. А в мае–июне того же года в ЦК партии состоялось совещание историков, на котором осужда-

лись крайности, идущие по линии как очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, Н. Л. Рубинштейн и др.), так и сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х. Г. Аджемян, Б. Д. Греков, А. В. Ефимов, Е. В. Тарле и др.). Этим, в частности, можно объяснить, почему не были приняты предложения о включении в число исторических героев А. А. Брусилова, А. М. Горчакова, А. П. Ермолова, М. И. Драгомирова, К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева, М. Г. Черняева и других военных и государственных деятелей дореволюционной России. Отвергнуты проекты об учреждении орденов, носящих имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, которые носили бы имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались неосуществленными — видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле [3. С. 198, 213].

Вероятно, по этой же причине не получила развития в годы войны и беспрецедентная «топонимическая контрреволюция», произошедшая в Ленинграде за две недели до прорыва блокады города. 13 января 1944 года П. С. Попков подписал решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». В нем говорилось: «Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, — Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города». Далее следовал перечень существовавших и восстановленных наименований: Проспект 25 октября — Невский проспект; Улица 3 июля — Садовая улица; Проспект Красных Командиров — Измайловский проспект; Площадь Красных Командиров — Измайловская площадь; Площадь памяти Жертв Революции — Марсово поле; Площадь имени Воровского — Исаакиевская площадь; Площадь имени Плеханова — Казанская площадь; Проспект имени Володарского — Литейный проспект; Проспект имени Нахимсона — Владимирский проспект; Проспект Карла Либкнехта — Большой проспект; Улица имени Розы Люксембург — Введенская площадь; Набережная имени Рошаля — Адмиралтейская набережная; Проспект имени Рошаля — Адмиралтейский проспект; Улица имени Слуцкого — Таврическая улица; Советский проспект — Суворовский проспект; Проспект Пролетарской Победы — Большой проспект; Проспект Мусоргского — Средний проспект; Проспект Железняка — Малый проспект; Площадь Урицкого — Дворцовая площадь; Набережная 9 января — Дворцовая набережная. «Националистическая контрреволюция» зримо и отчетливо восстанавливала статус Ленингра-

да как русского города, была должным образом «засчитана» П. С. Попкову и другим ленинградским руководителям в известном «Ленинградском деле» 1949—1950-х годов [23. С. 197].

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», в преддверии Победы было решено прекратить, с тем чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

11 апреля 1945 года в «Красной звезде» была опубликована статья И. Г. Эренбурга «Хватит!» с призывами к поголовному истреблению немцев: «Во время встречи с союзниками скажем: “Довольно! Немцы сами себя прозвали “оборотнями”... Обратней не будет: теперь не восемнадцатый год, хватит! На этот раз они не обернутся и не вернутся”». Рядом размещалась статья начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». В ней говорилось: «Если признать точку зрения т. Эренбурга (на Германию как на “колоссальную шайку”) правильной, то следует считать, что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики. Незачем и говорить, что т. Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения. Красная Армия... никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ. Это было бы глупо и бессмысленно». Восстанавливался классовый подход, в соответствии с которым, по словам И. В. Сталина, неверно «отождествлять клику Гитлера с германским народом». Красная армия «воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов. Не следует, кроме того, забывать, что в нашей стране проявление расовой ненависти карается законом».

Довольно жестким было осуждение «националистических проявлений» в союзных республиках СССР. 31 января 1944 года Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А. П. Довженко «Украина в огне» и нашел, что в ней ревизуется политика нашей партии по коренным вопросам. Автор выступает против классовой борьбы, против ликвидации кулачества как класса. Не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа. Изображается, будто колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости. По киноповести, в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы. Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». В феврале решением Политбюро ВКП(б) А. П. Довженко сняли со всех занимаемых должностей в государственных учреждениях и в общественных организациях [32. С. 61].

В августе 1944 года ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные

недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идеее)» [17. С. 514, 518]. В январе 1945 года аналогичное внушение сделано руководству Башкирской партийной организации. Серьезные идеологические просчеты были обнаружены в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях», в пьесе «Кахым-Туря» [17. С. 540]. Формулировки постановлений были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (май 1945 года). Здесь уже говорилось, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идеее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени»; нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карсахал», где тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого» [55. С. 2].

В октябре 1944 года в журнале «Большевик» была опубликована статья «За высокую идейность советского искусства». В ней осуждались «излишняя популяризации истории и культуры прошлого», подражание в искусстве западным образцам, появившаяся во время войны тенденция восхищаться иконами и церковной музыкой «на том лишь основании, что они составляют часть русского национального наследия» [56. С. 55—57]. Это был явный сигнал к сворачиванию националистического нэпа, негласно введенного в СССР в начале войны.

Однако и послевоенные проявления новой национальной политики власти стремились держать в определенных рамках. Получив в июле 1947 года записку А. А. Жданова с материалами к проекту новой Программы партии, Сталин против слов «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... он по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал выразительное: «Не то» [44. С. 69]. Видимо, для оценки роли русского народа в войне Сталин посчитал достаточной его благодарность, выраженную в выступлении на приеме в Кремле 24 мая 1945 года, когда он поднял тост за здоровье русского народа, его ясный ум, стойкий характер, терпение, доверие правительству и жертвы, обеспечившие «историческую победу над врагом человечества» [59. С. 151].

В 1948 году, в декабрьском номере журнала «Вопросы истории», в редакционной статье прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма. Не менее опасными и вредными представлялись также ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Как недопустимый объективизм в науке осуждались предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки

зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, что все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Центральным Комитетом партии [47. С. 11]. Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе восстанавливался.

Во время послевоенных кампаний по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом в СССР о националистическом нэпе не вспоминали. Попытка воскресить идеи такого нэпа была совершена в октябре 1952 года на XIX съезде партии. Обращаясь к представителям зарубежных коммунистических и демократических партий, И. В. Сталин говорил: «Я думаю, что это знамя (буржуазно-демократических свобод. — А. В.) придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять» [63. С. 8].

После смерти Сталина к идеям националистического нэпа в нашей стране никто из руководителей СССР уже не обращался. Полагаю, что забвение необходимости культивирования «здорового национализма» и использования его в целях развития и упрочения советского общества явилось одной из причин крушения СССР в 1991 году.

Источники и литература

1. **Ваксберг А. И.** Из ада в рай и обратно : еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М.: Олимп, 2003.
2. **Васильковский Г.** Высший закон жизни // Правда. 28.05.1934.
3. **Вдовин А. И.** Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013.
4. Великая Отечественная : главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Терра, 1996.
5. **Верт А.** Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1965. Вып. 1.
6. **Верт А.** Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1965. Вып. 2.
7. Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
8. Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. М.: Воениздат, 1943.
9. **Джилас М.** Беседы со Сталиным. М., 2002.

10. Директива начальника Главного политического управления РККА, 10 декабря 1941 г. // **Лютов С. Н.** Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны : документы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 1. — www.nsu.ru/jspui/bitstream/nsu/4713/1/23.pdf (дата обращения: 01.08.2015).
11. **Жуков Ю. Н.** Тайны власти. М.: Вагриус, 2005.
12. За родину! // Правда. 09.06.1934.
13. Записка Г. Г. Карпова // Диспут. 1993. № 3.
14. Идеологическая работа КПСС в действующей армии. 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1985.
15. История Коммунистического Интернационала, 1919—1943 : документальные очерки. М.: Научка, 2002.
16. История России. XX век: 1939—2007 / отв. ред. А. Б. Зубов. М.: АСТ, 2009.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7.
18. Красная звезда. 13.08.1942.
19. Красная звезда. 17.07.1942.
20. Красная звезда. 24.07.1942.
21. **Криворотов В. И.** Некоторые мысли к русской возрожденческой идее : статьи и письма. Мадрид: Издание автора, 1975.
22. Крымская конференция. 4—11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств 7 февраля 1945 г. — www.hist.msu.ru/ER/EText/War_Conf/krim07.htm (дата обращения: 01.08.2015).
23. **Куняев С.** Post scriptum I // Наш современник. 1995. № 10.
24. **Лейбзон М. М.** Поворот в политике Коминтерна : историческое значение VII конгресса Коминтерна. М.: Мысль, 1975.
25. **Ленин В. И.** Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1968. Т. 17.
26. **Ленин В. И.** Критические заметки по национальному вопросу // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1973. Т. 24.
27. **Ленин В. И.** Лучше меньше, да лучше // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45.
28. **Ленин В. И.** Пролетарская революция и ренегат Каутский // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 37.
29. **Ленин В. И.** Речь на торжественном заседании пленума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 42.
30. **Лешин Г. М.** Создание в Советском Союзе сети суворовских военных училищ (по типу старых кадетских корпусов России) в 1943—1944 гг. и в первой половине 50-х годов. — www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (дата обращения: 01.08.2015).
31. **Марьина В.** Георги Димитров — советский гражданин. 1934—1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия-XXI. 2007. № 4.
32. **Марьямов Г. Б.** Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992.
33. **Медведев Ж.** Сталин как русский националист // **Медведев Ж. А., Медведев Р. А.** Неизвестный Сталин. М.: Время, 2007.
34. **Мехлис Л. З.** О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада в ЦК ВКП (б). 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3.
35. **Молотов В. М.** Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел // Правда. 23.06.1941.

36. **Молотов В. М.** О преобразовании Наркомата Оборона и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы : доклад в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г. // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1944. № 3-4.
37. Население России в XX веке : исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2.
38. **Николаевский Б. И.** Тайные страницы истории : сборник документов и материалов. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 204.
39. НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
40. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.
41. Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. 1944. № 15—16.
42. **Одинцов М. И.** Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: РОССПЭН, 2014.
43. **Одинцов М. И.** Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1993. № 3.
44. **Попов В. П.** Большая ничья. СССР от Победы до распада. М.: ЭНАС, 2005.
45. Постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении Положения о государственных контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине» // Правда. 09.06. 1934.
46. Правда о религии в России. М.: Московская патриархия, 1942.
47. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12.
48. **Пыжиков А. В.** Раздельное обучение в советской школе. — www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193232434&archive=1196815145&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.08.2015).
49. Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета 28 сентября 2012 г. — www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html (дата обращения: 01.08.2015).
50. **Роговин В. З.** Сталинский неонЭП. М., 1995.
51. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2014.
52. **Рубцов Ю. В.** Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса. М.: Звонница МГ, 1999.
53. **Рудевич А.** Почему Сталин вернул погоны в 1943 году. — <http://amic-polit.ru/pochemu-stalin-vernul-pogony-i-v-1943-godu> (дата обращения: 01.08.2015).
54. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956). М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956.
55. Советская литература в 1944—1945 гг. // Литературная газета. 17.05.1945.
56. **Солодовников А.** За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1944. № 19—20.
57. **Солоневич И. Л.** Народная монархия. Репринт. воспроизведение издания 1973 г. М.: Феникс, 1991.
58. Спецсообщение Абакумова Сталину о реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР. — <http://warhistory.livejournal.com/1195008.html> (дата обращения: 01.08.2015).
59. **Сталин И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Крафт, 2002.
60. **Сталин И. В.** О задачах хозяйственников // **Сталин И. В.** Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13.
61. **Сталин И. В.** О программе Коминтерна. Речь на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г. // **Сталин И. В.** Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11.
62. **Сталин И. В.** Октябрьская революция и тактика русских коммунистов // **Сталин И. В.** Сочинения. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1947. Т. 6.
63. **Сталин И. В.** Речь на XIX съезде партии. М., 1953.

64. **Фирсов Ф. И.** Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.
65. **Фомин С.** Война, Церковь, Сталин и великий молитвенник за Русь Православную митрополит Гор Ливанских Илия (Карам). — <http://maxpark.com/community/4797/content/1638122> (дата обращения: 07.10.2015).
66. **Цагунов С. В.** НЭП: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997.
67. **Цурганов Ю. С.** Зачем Сталину трехцветное знамя? // Посев. 2000. № 10.
68. **Цурганов Ю. С.** Неудавшийся реванш : белая эмиграция во Второй мировой войне М., 2001.
69. **Шап И.** История создания Гимна СССР. — www.chitalnya.ru/print.php?id=948169 (дата обращения: 01.08.2015).
70. **Шкаровский М. В.** Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. — www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2524ger.htm (дата обращения: 01.08.2015).
71. **Шкаровский М. В.** Нацистская Германия и Православная Церковь : нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья: Общество любителей церковной истории, 2002.
72. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2005. ◆